имел в виду одно и то же лицо. Причем, несмотря на то что Минский — антипод не только Пушкина, но и Онегина, а Зинаида Вольская — «анти-Татьяна», Пушкин сближает во многом судьбу и психологию Минского с судьбой Онегина, а прошлое Вольской — с прошлым Татьяны (именно это могло побудить поэта исключить из задуманной повести характеристику героини как «провинциалки»). И вместе с тем в разговоре Русского с Испанцем (особенно в его продолжении 1830 г.) поэт открыто вкладывает в уста Минского ряд собственных идей о русском дворянстве и о его исторических судьбах, часть из которых он позднее почти текстуально перенес в стихотворение «Моя родословная» (1830) и в полемические статьи, направленные против Булгарина и опубликованные в «Литературной газете». Имя же Минского поэт осенью 1830 г. передал гусару из «Станционного смотрителя», что объясняет выбор для героя фрагмента «На углу маленькой площади» другого имени — Володский. Напрашивается и предположение, что, вернувшись в 1830 г. к фрагменту «Гости съезжались на дачу», Пушкин оставил работу над ним именно потому, что написанный им в этом году диалог Русского с Испанцем приобрел открыто публицистический характер (как это случилось и с рядом рассуждений Владимира в более раннем и также оставшимся незаконченным «Романе в письмах» [1, т. 8(1), с. 53]).

Остается добавить одно: в ряде работ о Пушкине фрагменты повестей «Гости съезжались на дачу» и «На углу маленькой площади» характеризуются как пушкинские опыты «светской повести» (или «повести из светской жизни») [10, с. 51]. С этими определениями трудно согласиться. Перед нами в обоих случаях действительно картины из жизни большого света, так же, как в последних главах «Онегина» или в лермонтовском «Маскараде». Но на материале судеб людей из петербургского светского общества Пушкин затрагивает большие, сложные нравственно-психологические проблемы, имеющие общечеловеческий характер. Недаром Лев Толстой и его исследователи увидели прямую перекличку судьбы пушкинской Зинаиды с судьбой Анны Карениной, роман о которой также представлялся многим его современникам всего лишь романом о судьбах мужчины и женщины из великосветской среды. Да и в творчестве самого Пушкина фрагменты «Гости съезжались на дачу» и «На углу маленькой площади» подготовили замыслы позднейших его фрагментов «Мы проводили вечер на даче», «Отрывка», а также «Египетских ночей». Здесь от фигуры «Клеопатры Невы» — Закревской поэт обратился к ее прообразу — исторической Клеопатре в сложном психологическом сопоставлении ее с образом современной женщины, готовой бросить вызов сложившимся традиционным устоям и уподобиться в своей страсти царице Египта — не только любовнице Цезаря и Марка Антония, но и бесчисленного количества тех, кто был готов купить одну ее ночь «ценою жизни». Таким образом, «светские повести» Пушкина привели его к возрождению не только «анекдота» Аврелия Виктора, но и одного из устойчивых древнейших мифопоэтических мотивов, встречающихся в мифах и легендах множества народов мира.

2. «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пушкин написал всего одну драму из русской истории. И так же, как его итальянский современник А. Мандзони, великий русский поэт в отличие от Вальтера Скотта довел до конца работу только над одним историческим романом — «Капитанской дочкой». Вряд ли это можно признать случайным.

В работе над «Борисом Годуновым», «Арапом Петра Великого», «Капитанской дочкой» Пушкин каждый раз хотел изобразить не один лишь из быстро сменяющихся эпизодов русской истории. Поэта интересовало в русской истории не столько меняющееся, временное, преходящее; сколько *устойчивое, коренное* — то, что позволило бы дать читателю возможность чутко, умом и сердцем постичь главный ее исторический узел, к которому сводятся все другие. В «Году-